

Сила лука на излете уже не способна сломать что-либо. В те времена Цинь Шань зашел слишком далеко в своей ненависти, слепо считая весь мир своими врагами, что рано или поздно привело бы его к гибели.

Конечно, нынешний Цинь Шань тоже не намного лучше. Но, по крайней мере, в нем стало меньше злобы.

Белобровый гость покачал головой, не желая продолжать разговор, хотя в его сердце явно зрели свои соображения.

Си Чэньшуй решил сменить тему:

— Старший брат, вы появились здесь, говоря, что делаете за Цинь Шаня то, что он сам не хочет делать. Могу ли я узнать, что это за дело?

Прежде чем Белобровый гость успел ответить, стоявшая рядом с ним девушка, Жуань Цинцин, с улыбкой сказала:

— Мы помогли брату Цинь Шаню поймать двух больших негодяев и спасли одного человека! Он точно будет рад!

Си Чэньшуй слегка удивился, увидев, как Белобровый гость кивнул своему ученику. Тот молодой человек направился в переулок и вытащил оттуда нескольких человек.

Увидев двух без сознания мечников, Си Чэньшуй невольно вздрогнул. Он думал, что эти двое уже справились с делом и ушли, но оказалось, что их перехватили.

— Спасенный человек слишком сильно ранен, — сказал ученик Белобрового гостя. — Учитель уже отправил его в жилище, а младшая сестра сказала, что потеряла заколку, и я вернулся искать.

Затем они столкнулись с Си Чэньшуйем, который искал следы на земле, и приняли его за сообщника злодеев. Ну, кто бы мог подумать, что Си Чэньшуй до сих пор не снял маскировку и выглядел подозрительно.

Си Чэньшуй, услышав это, почувствовал странность. Не то чтобы он был слишком подозрительным, но все это казалось слишком уж совпадением. Почему именно Белобровый гость и его спутники оказались на пути тех, кто преследовал?

Как будто угадав его сомнения, Белобровый гость медленно произнес:

— Несколько дней назад я получил известие, что кто-то охотится на лазутчиков Зала стражи Цинь. Сегодня я обнаружил их следы за городом и сразу же отправился за ними.

Си Чэньшуй почувствовал неладное.

— Преследование? Это дело, возможно, связано с...

— Они нацелились на Зал стражи Цинь, а также на самого Цинь Шаня, но это не обычные люди из мира рек и озер, — вздохнул Белобровый гость. — Я изо всех сил старался, но смог спасти только одного.

Си Чэньшуй мысленно зажег сотню восемьдесят фонарей за Цинь Шаня. Такая способность наживать врагов уникальна в мире. Не говоря уже о том, что этот парень недавно снова

подставил большую часть мира, доведя свою дурную славу до новых высот.

Кстати, как официальное учреждение, назначенное императором, кого Зал стражи Цинь успел обидеть, что его постигли такие перемены?

Возможно, все началось с дурной славы Зала стражи Цинь в мире рек и озер.

— Эй, старина Цинь, скажи, что такого ужасного сделал ваш Зал стражи Цинь, что его так ненавидят?

Это произошло в тот день, когда они еще были заточены в горах, и Безымянная долина еще не была сожжена сицянцами.

Чудесным образом, Цинь Шань, Янь Мобэй и Ци Жован сидели вместе, мирно беседуя.

Конечно, Янь Мобэй оказался здесь совершенно случайно. Он просто принес еду, как обычно разозлил Цинь Шаня, как обычно они подрались, и как обычно он уступил Цинь Шаню, но неожиданно Цинь Шань, размахнувшись цепью, сломал ему ногу.

Твердость, созданная тысячелетним таинственным металлом, в сочетании с безжалостным ударом Цинь Шаня, превратила Янь Мобэя в калеку, не способного ходить, и он оказался заперт в горах, не имея возможности уйти.

Хотя Цинь Шань очень хотел выбросить его с горы, оставив на произвол судьбы, но, учитывая, что если с Янь Мобэем что-то случится, они останутся без еды — благодаря решительному протесту Ци Жована, Цинь Шань временно смирился. Пока ученики Безымянной долины не обнаружат пропажу их младшего наставника, или пока Янь Мобэй не выздоровеет, он будет вынужден терпеть его присутствие.

Таким образом, трое сидели в треугольнике. Цинь Шань с закрытыми глазами медитировал, Янь Мобэй смотрел на него, а Ци Жован, глядя на обоих, хотел уйти, но как только он шевелился, оба сразу поднимали на него взгляд.

Ци Жован подумал: «...»

Он понял, что стал балансом между этими двумя заклятыми врагами.

И он задал вопрос Цинь Шаню только для того, чтобы разрядить обстановку.

Янь Мобэй заговорил:

— Зал стражи Цинь имеет дурную славу, потому что их действия выходили за рамки, и они обидели слишком много людей, которых не следовало обижать.

Цинь Шань усмехнулся:

— Зал стражи Цинь действует в рамках законов империи, устраняя только тех, кто нарушает законы и действует безрассудно, не выходя за рамки.

Янь Мобэй усмехнулся:

— Не выходя за рамки? Разве что уничтожая целые семьи за преступление одного человека.

Цинь Шань:

— Если сын не воспитан, вина лежит на отце. Если ученики творят зло, разве старшие в клане не должны нести за это ответственность?

Янь Мобэй:

— Но ты не должен был уничтожать целую школу.

Цинь Шань:

— Разве школы, которые позволяют своим ученикам грабить и использовать невинных женщин как сосуды для культивации, или использовать кости детей для создания лекарств, не заслуживают уничтожения?

Янь Мобэй:

— Но ты уничтожил и учеников других школ, которые были там в гостях, и правда осталась неизвестной. Зал стражи Цинь естественно стал козлом отпущения.

Цинь Шань:

— Те, кто дружит с негодьями, помогая злу, заслуживают смерти. Те, кто не различает правду и ложь, слушая клевету, разве мне есть дело до их мнения?

Янь Мобэй вздохнул:

— Все, кто практикует боевые искусства, должны сдавать оружие при входе в город, согласно Указу о запрете на ношение оружия. Кроме того, Зал стражи Цинь издал еще семнадцать запретов, составивших Восемнадцать запретов стражи Цинь. Тот, кто нарушит три из них, будет обезглавлен мечом Зала стражи Цинь. Кто не совершает ошибок? Кто не оказывается в сложных ситуациях? Разве такие жестокие законы, не дающие шанса на раскаяние и оправдание, не слишком суровы?

Цинь Шань:

— Когда мы впервые встретились, Братство Люйшуй и семья Чу боролись за контроль над речными перевозками соли, причиняя бесчисленные страдания простым людям и разрушая их жизнь. Те, кто практикует боевые искусства, должны быть сдержанными и дисциплинированными, но они ради собственной выгоды причиняли вред другим. Таких людей в мире рек и озер бесчисленное множество, и они играют с жизнями простых людей. Разве к ним не следует применять строгие законы? Если человек живет честно, ему нечего бояться запретов Зала стражи Цинь, напротив, он будет под нашей защитой.

Янь Мобэй оживился, но сменил тему, с энтузиазмом сказав:

— Ты помнишь нашу первую встречу, А Шань? А помнишь, что я тогда тебе сказал? Знаешь, это была не первая наша встреча, до этого я видел, как ты ехал на черном коне...

Цинь Шань: «...»

Он посмотрел на этого человека и вдруг почувствовал, что больше не хочет здесь оставаться. Он повернулся и ушел в пещеру, оставив Янь Мобэя с печальным взглядом, смотрящим ему вслед.

— Он действительно не помнит, — с грустью сказал Янь Мобэй.

Ци Жован, слушавший с интересом, подытожил:

— По сути, это давний конфликт между государственными чиновниками, действующими из лучших побуждений, и мелкими торговцами, которые просто пытаются выжить в мире рек и озер, и непрекращающаяся борьба между ними.

Янь Мобэй взглянул на него и спокойно сказал:

— Люди мира рек и озер действуют предвзято, но Зал стражи Цинь слишком радикален, убивая сотни ради одного, и рано или поздно это приведет к катастрофе. Однако в одном А Шань прав.

— В чем?

— Зал стражи Цинь — защитник народа, самая преданная собака и самый острый меч двора Великой Ци.

Однако одну вещь Янь Мобэй не сказал. Зал стражи Цинь — это оружие, но оружие обоюдоострое. Если тот, кто им владеет, почувствует, что больше не может его контролировать, он, несомненно, будет тут же отвергнут.

И признаки этого разрушения уже были видны в глазах Янь Мобэя.

Холодная зима прошла, и когда Цинь Шань и его спутники добрались до подножия горы Яньдан, первые весенние цветы уже начали появляться.

Они шли, избегая людских глаз, выбирая тихие и безлюдные места, поэтому новости до них доходили с опозданием. Только остановившись у подножия горы Яньдан, Цинь Шань узнал, что Зал стражи Цинь был официально распущен, а Ю Сяои и другие обнаружили, что их обманули, и теперь повсюду ищут его.

Любая из этих новостей не сулила Цинь Шаню ничего хорошего.

Однако Пу Цуньси увидел, как этот парень вдруг улыбнулся. Улыбка была мимолетной, но явной. Он протер глаза, сомневаясь, то ли он ослеп, то ли Цинь Шань сошел с ума.

— Завтра я уйду на полдня, — сказал Цинь Шань. — Оставайтесь здесь, это подножие горы Демонического культа, не стоит бояться, что нас найдут люди из мира рек и озер.

Пу Цуньси нарочно возразил ему:

— А если за нами придут люди из Демонического культа?

Цинь Шань посмотрел на него.

— Тогда, пожалуйста, сдавайтесь без сопротивления, чтобы не подставить моих слуг.

Пу Цуньси чуть не взорвался от злости. Кто кого вообще подставил!